

Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер

*СПБНИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург, СПбГУ — ИЛИ РАН,
Санкт-Петербург*

АКТЫ ИЗ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КАК МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

Один из парадоксов греческой диалектологии заключается в следующем: довольно хорошо известны и расклассифицированы древнегреческие диалекты (см., например: [Buck 1955; Horrocks 1997: 7–16; Χριστίδης (επιστ. ελμ.) 2001: 281–371]; с грехом пополам описаны новогреческие диалекты [Newton 1972; Κοντοσόπουλος 2001; Trudgill 2003; Ralli 2006], а что происходило между этими двумя крайними точками, практически неизвестно. Существует распространенная гипотеза, согласно которой эллинистическое койне уничтожило древнегреческие диалекты, а потом (начиная с X–XII вв.) стали появляться уже новогреческие диалекты [Κοντοσόπουλος 2010: 188]. Несмотря на очевидную ошибочность этой точки зрения², даже она постулирует существование диалектного членения в греческом языке средних веков и более позднего времени. Однако об этих средневековых диалектах практически ничего неизвестно.

Пожалуй, единственным исключением до последнего времени можно было считать языки литератур Критского и Кипрского

---

¹ В основе статьи лежат доклады, прочитанные на Рабочей конференции по греческой диалектологии (Греческий институт филологического факультета СПбГУ / ИЛИ РАН, 28.05.2012) и Colloquium Balticum XI Lundense (Лундский университет [Швеция], 8–10.11.2012). Авторы статьи благодарят Критона Хрисохойдиса (Центр национальных исследований, Византийский институт, г. Афины) за предоставленные материалы, коллег из Лундского университета (Швеция) — Карин Бломквист и Василиса Сабатакиса — за ценные замечания по докладу, а также О. Н. Николаенкову (СПбГУ) за помощь при подготовке статьи.

² Вероятно, современный цаконский и критский диалекты восходят к дорийскому, ряд древнегреческих фонетических (и, возможно, даже просодических) черт, нехарактерных для стандартного новогреческого, наблюдаются в понтийском, кипрском, грико и проч. Большое количество особенностей, наблюдаемых в современных новогреческих диалектах, обусловлено их контактами на каком-то этапе развития с другими балканскими языками.

Возрождения и отчасти Константинополя, по сути, представлявшие собой наддиалектные койне, по которым, впрочем, можно было в общем проследить историю развития соответствующих диалектов.

Отдельные черты локальных языковых вариантов отмечаются в литературных текстах. Например, в «Морейской хронике» (ок. XIV в.) удалось обнаружить следующие формы:

⇒ *ὀλπίζω* ‘надеюсь’ [Chr. Mor. 2, 25] vs. н.-греч. *ἐλπίζω*; ср.: карп. *oríǰo* [Рылик 2013: 54], понт. (Кромни) *ὀγῶ* [Οἰκονομίδης 1958: 28] vs. н.-греч. *εγῶ*, зап.-крит. *ὄffēros* ‘пустой’ vs. вост.-крит. *έffēros* [Κοντοσόπουλος 1988: 65], дропул. *ὀksu* ‘снаружи’ vs. н.-греч. *έξω* [Кисилиер и др. 2016: 127];

⇒ *ένι* <быть.PRS.3.SG> [Chr. Mor. passim] vs. н.-греч. *είναι*; ср.: цак.³ *éni* (см. также ниже с. 19);

⇒ *έ-λάλ-ει* <PST-болтать.IPFV-PRS.3SG> в значении ‘говорит’ [Chr. Mor. 273] наравне с глаголом *λέγω*⁴.

Особый интерес представляет пара примеров *κόντος* ‘граф’ [Chr. Mor. 8046] и *κουντέσσα* ‘графиня’ [Chr. Mor. 8045], где даже в заимствованных словах проявляется традиционное, прежде всего для большинства северногреческих диалектов сужение /o/ в /u/ в безударной позиции (ср.: [Кисилиер 2013: 84, 85]). Несмотря на ярко выраженный диалектный характер подобных примеров, они не могут быть использованы в качестве материала при исследовании средневекового состояния греческих диалектов в связи с малочисленностью и бессистемностью.

В 2004 г. в Кембридже были начаты работы над проектом, посвященным описанию греческого языка средних веков, под руководством Дэвида Холтона и Джоффри Хоррокса. По мнению участницы этого проекта Ио Манолессу, в результате работы со средневековыми текстами будут созданы карты фонетических и морфологических изоглосс, представляющих развитие соответствующих диалектных явлений в диахронии [Manolessou 2010: 24]. Появление подобных карт, несомненно, станет прорывом как в новогреческой

³ Приводимые здесь и далее примеры из цаконского диалекта были собраны в ходе экспедиций 2010–2015 гг.

⁴ Вероятно, в эпоху эллинистического койне глагол *λαλώ* (*λαλέω*) в ряде регионов начал конкурировать и даже вытеснять другой (более распространенный) глагол речевой деятельности — *λέγω*. В некоторых диалектах, в частности, в кипрском и цаконском, *λαλώ* сумел полностью заменить *λέγω*.

диалектологии, так и в неоэллинистике в целом, однако, как представляется, это произойдет не очень скоро. Тем не менее, некоторые источники, которые, вероятно, будут использованы в проекте [Manolessou 2010: 27], уже сейчас могут быть введены в научный оборот и заметно обогатить современные представления об истории новогреческих диалектов. Одним из таких источников являются документы из афонских монастырей о купле / продаже земель в разных частях Греции.

Афонские монастыри еще с X в. являлись крупнейшими землевладельцами: византийские императоры и знатные военачальники даровали им поместья в Македонии и Фракии, причем эти имена, как правило, не облагались налогами. Земля самого Афонского полуострова также была поделена между монастырями, что нередко вызывало имущественные споры. История этих взаимоотношений нашла свое отражение в актах, хранящихся в монастырских архивах, — это ценнейший источник по экономической истории Византии. Особую ценность представляют подписи под актами — игуменов, членов афонского совета главных старцев монастырей (так называемого Протата). В византийский период, да и позднее, по этим подписям можно установить наличие в братии монастырей лиц негреческих этнических групп — славян, грузин, которые иногда подписывались на своих языках, ведь Афон традиционно был местом, куда устремлялись христиане из всего восточно-православного мира. Благодаря уникальной сохранности афонских архивов, большинство из которых никогда не разорялось, сегодня есть замечательная возможность проследить за изменением владений монастырей. Акты византийского периода начали издаваться в Петербурге еще в начале XX в. В. Э. Регелем, Эдвардом Курцем и В. Н. Кораблевым в сотрудничестве с французским ассомпционистом⁵ Луи Пти⁶. С 1968 г. афонские акты являются предметом тщательного изучения коллектива исследователей (Николаоса Икономидиса, Жака Лефорта, Дионисии Папахрисанфу, Поля Лемерля, Жака Бомпэра и др.), которые

⁵ Ассомпционисты (иначе ассумпционисты) — католическая монашеская конгрегация (создана в 1845 г.), одной из основных задач которой является поддержка христианского образования.

⁶ В частности, были изданы акты Эсфигменского монастыря [Petit, Regel 1906], Зографа [Regel et al. 1907], Хиландара [Petit, Korablev 1912], Филофеева монастыря [Regel et al. 1913].

выпускают серию «Archives de l'Athos» — дипломатическое издание греческих актов каждого монастыря, снабженное детальным палеографическим, реальным, просопографическим, географическим комментариями, а также альбомом факсимиле. Работа над серией продолжается до сих пор. Акты поствизантийского времени, к сожалению, еще не стали предметом такой скрупулезной работы. Между тем в османский период афонские монастыри получили от султанов почти такие же привилегии, какие имели при византийских императорах,— была подтверждена автономия Афона и его освобождение от налогов. В XVII–XVIII вв. афонским монастырям были дарованы обширные поместья в Молдавии и Валахии, которые составляли почти $\frac{1}{3}$ территории княжеств. Огромные доходы, получаемые с этих поместий (метохов), и пожертвования частных лиц позволяли монастырям не только осуществлять широкомасштабные строительные программы, успешно поддерживать скриптории и иконописные мастерские, но и приобретать новые угодья в Македонии и на островах Эгейского моря. Кроме того, монастыри выполняли роль нотариальных контор и банков — частные лица обращались к ним как к гарантам имущественных сделок и отдавали на хранение свои деньги, а монастыри, в свою очередь, пускали их в оборот и получали прибыль.

Акты из афонских монастырей, в сущности, являются договорами. Они написаны курсивом, как правило — под диктовку, оформлены в соответствии с традиционным формуляром, а подписи под ними являются автографами и заслуживают отдельного внимания. Практически на всех актах указываются дата заключения договора и место расположения передаваемого участка, что часто является указанием на место жительства человека, составляющего договорной документ. Таким образом, исследователям предоставляется уникальная возможность расположить наблюдаемые языковые особенности и хронологически, и топографически. Для настоящего исследования были случайным образом отобраны шесть документов, датированных от 1668 до 1727 гг., с Хиоса, из Македонии, с Лесбоса, Санторини и Крита (см.: Источники на с. 26). Этого материала, конечно же, недостаточно, чтобы проследить диалектные изоглоссы, однако цель настоящего исследования в другом: продемонстрировать, что в актах с Афона наблюдаются такие языковые черты, которые могут быть использованы при изучении греческих диалектов поствизантийского периода.

Язык актов с Афона отличается крайней неоднородностью. Одни акты написаны в традиционной византийской манере, без грубых ошибок, с использованием датива:

- (1) τῶ ἐν τῶ Ἁγίῳ Ὄρει
 DEF.M.SG.DAT в DEF.M.SG.DAT святой-М.SG.DAT гора-SG.DAT
 κει-μέν-ω
 лежать-PTCP.PASS-M.SG.DAT
 ‘[монастырю,] расположенному на Афоне (букв. Святой Горе),
 [A086]

древнегреческих глагольных флексий: ἤξεύρο-ο <знать-IPF.3PL> ‘[отцы] знали/умели’ [A276]; см. также ниже с. 20; ср.: д.-греч. ἔ-λεγο-ον <PST-говорить-IPFV-IPF.3SG> ‘[они] говорили’⁷; и даже инфинитива, правда, с отпадением конечного /-п/:

- ⇒ [ἤ-θελ-α] ἔχ-ει <PST-хотеть-PST.1SG> иметь-INF> ‘[я хотел] иметь’ [A274] vs. д.-греч. ἔχειν;
 ⇒ [ἔ-θελ-α] πάγ-η <PST-хотеть-PST.1SG> идти.PFV-INF> ‘[я хотел] отправиться’ [A274] vs. д.-греч. πάγειν.

Другие, напротив, демонстрируют явные орфографические ошибки, связанные, по большей части, с утратой в греческом вокализме противопоставления по долготе / краткости и открытости / закрытости (и, в частности, ошибки, связанные с итацизмом). Вот некоторые примеры:

- ⇒ ἤμει ‘[я] есть’ [A270] vs. н.-греч. εἶμαι;
 ⇒ ἀλέμηνε ‘[Евпраксия] осталась’ [A270] vs. н.-греч. ἀλέμεινε;
 ⇒ ἦτη ‘или же’ [A274] vs. д.-греч. ἦτοι;
 ⇒ ἰς ‘в’ [A276] vs. греч. εἰς;
 ⇒ στύλ-ετε <посылать.PFV-IMP.2PL> ‘пошлите’ [A276] vs. н.-греч. στείλετε;
 ⇒ θυγαταῖρα ‘дочь’ [A270] vs. н.-греч. θυγατέρα;
 ⇒ [νὰ] πάγ-ο <[SBJV=] идти.PFV-PRS.1SG> ‘пойду’ [A274] vs. греч. [νὰ] πάγω;
 ⇒ [νὰ] πολεμ-ίς-ο <[SBJV=] сражаться-PFV-PRS.1SG> ‘сражусь’ [A274] vs. н.-греч. [νὰ] πολεμήσω;
 ⇒ ἐγώ ‘я’ [A274] vs. н.-греч. εγώ;

⁷ Можно предположить, что в форме ἤξεύρο конечный /-п/ отсутствует, так как следующее слово начинается с носового: ἤξεύρο μόνον.

⇒ *χωρίς* ‘без’ [A276] vs. н.-греч. *χωρίς*;

⇒ *πως* ‘как’ [A276] vs. н.-греч. *πως*.

Иногда встречаются разные варианты написания одной и той же лексемы:

⇒ *ἤμπορ-ή* <мочь-PRS.3SG> ‘может’ [A086] и *ἔμπορ-ῶ* <мочь-PRS.1SG> ‘могу’ [A253];

⇒ *ἔ-θελ-α* и *ἦ-θελ-α* <PST-хотеть-PST.1SG> ‘[я] хотел’ [A274],

из которых последний совпадает со стандартным вариантом.

В ряде случаев (например: *θιγαταῖρα*) очевидным образом проявляется гиперкоррекция. Некоторые особенности, типа *φεύγ-οντας* <убегать-CVB> ‘убегая’ [A270], вместо ожидаемого *φεύγοντας*, следует, вероятно, объяснять не диалектным происхождением, а сознательной архаизацией.

Во всех случайно отобранных для настоящего исследования документах, независимо от общезыковых и стилистических особенностей, встречаются отдельные черты, которые можно трактовать как диалектные. Они проявляются, прежде всего, на уровне фонетики:

1. Выпадение /i/ в безударной позиции: *γυνο* ‘голый’ [A083–084] vs. н.-греч. *γυινό*; это явление считается одной из наиболее ярких изоглосс, выделяющих северногреческие диалекты, например: сев.-гр. *ρθαг* ‘кувшин’ vs. н.-греч. *πιθάρι* (ср.: [Newton 1972: 16])⁸.

2. Нерегулярный переход древнегреческого [o:]⁹ в [o], а не в [u], как в большинстве новогреческих диалектов. Этот переход, прежде всего, проявляется в окончании генитива:

⇒ *τοῦ γέρ-ω* <DEF.M.SG.GEN старик-SG.GEN> ‘старика’ [A252] vs. н.-греч. *του γέρου*;

⇒ *τοῦ Τζάν-ο* <DEF.M.SG.GEN Иоанн-SG.GEN> [A270] vs. греч. *τοῦ Ἰωάννου*¹⁰.

Аналогичное явление наблюдалось в кипрском диалекте древнегреческого языка: д.-кипр. *Πάφ-ω* <Пафос-SG.GEN> vs. атт. *Πάφου* [Παναγιώτου 2001: 311].

⁸ Выпадение безударного /i/ фиксируется и в диалекте приазовских греков (т. н. румейском языке): румейск. *sp'it'* ‘дом’ vs. н.-греч. *οπιτι* [Кисилиер 2012: 358].

⁹ В классическом древнегреческом языке звук [o:] обозначался с помощью диграфа *ου*.

¹⁰ Как видно из приведенных примеров, в артикле перехода [o:] > [o] нет.

3. Мена /o/ на /e/: *ἐκονόμος* ‘управляющий’ [A270] вместо *οἰκονόμος* (то есть /e-/ вместо /i-/); ср.: понт.¹¹ *ἀνεχτόκαρδος* ‘искренний’ [Οἰκονομίδης 1958: 46] vs. н.-греч. *ανοιχτόκαρδος*.

4. Нерегулярный переход /j/ в /ǰ/ перед гласным:

⇒ *τοῦ Τζάνου* [A086], *τοῦ Τζάνο* [A270] < греч. *τοῦ Ἰωάννου*;

⇒ *τοῦ Δημητριτζάνου* [A270] < греч. *τοῦ Δημητριωάννου*.

Важно подчеркнуть, что данная черта фиксируется не только в документе с о-ва Лесбос, где ее появление можно объяснить итальянским (генуэзским) влиянием, но и в документе из Македонии.

5. Появление геминат: *θέλλ-ουν* <хотеть-PRS.3PL> ‘хотят’ [A083–084] vs. н.-греч. *θέλουν*; ср.: кипр. *ύλλος* ‘весь’ vs. н.-греч. *όλος* [Вяткина 2015: 16 (сн. 17)].

6. Озвончение /s/ (в сочетании /t/ + /s/) перед гласным:

⇒ *ἔτζι* ‘так’ [A083–084; A270; A274] vs. н.-греч. *έτσι*;

⇒ топоним *Ἀλονίτζη* [A270] < *Αλονίτση*.

Подобный пример зафиксирован и в цаконском диалекте: *ἄέα* ‘дом’ < *ἄεα* vs. н.-греч. *κελί* ‘камера, келья’ (здесь наблюдается цитакизм с последующим озвончением).

7. Ближе к фонетическим чертам стоят особенности представления отдельных лексем:

⇒ *ἐγκεῖνη* ‘та’ [A252] vs. н.-греч. *εκείνη*, ср.: цак. *éngini* ‘она’;

⇒ *ἔναι* <быть.PRS.3SG> [A083–084] vs. н.-греч. *εῖναι*; вероятно, в этом примере можно говорить о переходе древнегреческого [e:]¹² в [e]; ср.: цак. *épi* <быть.PRS.3SG>, а также скир./ман./кипр. *éne* [Вяткина 2015: 22], понт. *étupe* <быть.PST.1SG> [Елоева 2004: 80] vs. н.-греч. *ἦμουν*. Как известно, в большинстве греческих диалектов произошел переход [e:] > [i];

⇒ [vǰ] *ἦν* <[SBJV=] быть.PST.3SG> [A270] vs. н.-греч. [va] *εῖναι*; предположительно здесь сначала безударный /-e/ перешел в /-i/ (/íne/ > *íni/), который потом отпал. Тогда в этом примере можно усматривать известную изоглоссу, выделяющую

¹¹ Пример зафиксирован в понтийском говоре, который был распространен на территории современного г. Юние (Турция).

¹² В классическом древнегреческом языке для обозначения [e:] использовался диграф *ει*.

- северногреческие диалекты, тем более что документ, из которого приведен пример, происходит из Македонии¹³;
- ⇒ *ἐ-πωρ-έσ-α* <PST-мочь-PFV-PST.1SG> ‘[я] смог’, *πωρ-έσ-ω* <мочь-PFV-PRS.1SG> ‘смогу’ [A274] vs. н.-греч. *μλόρεσα* и [θα/να] *μλορέσω* соответственно; ср.: румейск. *pur-ú* <мочь-PRS.1SG> ‘могу’ (см. также ниже с. 22);
- ⇒ *ἴξεύρ-εται* <знать-PRS.PASS.3SG>, *ἴξεύρ-ο* <знать-PST.3PL> [A276]; ср.: н.-греч. *ξέρω* ‘знать’. Появление протетического гласного и переход корневого гласного в дифтонг в корне глагола представлены в ряде северногреческих диалектов, например, в диалектах Восточной Румелии, Фракии, о-ва Хиос и в константинопольском диалекте [Федченко 2016: 227]¹⁴.

8. Переход начального /a-/ в /e-/ в аористе: *ἐγόρασ-α* <купить.PFV-PST.1SG> ‘[я] купил’ [A274] vs. н.-греч. *αγόρασα*; ср.: понт. *ἔκ[ου]σ-α* <слышать.PFV-PST.1SG> ‘[я] услышал’ [Oikonomíδης 1958: 275] вместо н.-греч. *ἄκουσα*.

9. Особое окончание 3 л. ед. ч. пассивного имперфекта: *εὐρίσκ-ετον* <находить.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] находился’ [A083–084] vs. н.-греч. *ευρισκόταν*; ср.: карп. *e-lúnn-eton* <PST-мыть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] мылся’ [Рылик 2013: 69], ю.-ит. *e-fén-eto* <PST-казаться.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘казалось’ [Вяткина 2015: 26]. Очевидно, здесь сохраняется древнегреческая флексия медиопассивного имперфекта (*εὐρίσκειτο*)¹⁵. Важно отметить, что в документе A083–084 встречается итальянский текст, поэтому можно предположить, что параллель с формой на греческом диалекте Южной Италии неслучайна.

10. Форма глагола ‘быть’ в имперфекте: *ἦτον* ‘был [старец Никодим]’ [A270] vs. н.-греч. *ἦταν*; ср.: понт. (Имера, Санта) *ἔτον*,

¹³ Справедливости ради надо отметить, что сужение безударного /e/ в /i/ встречается не только в северногреческих диалектах. Например, в Новом Галикарнасе (центральный Крит) зафиксирована форма *i-ríγ-atene* <PST-идти.PFV-PST.1PL> ‘[мы] пошли’ наравне с *e-ríγ-atene* [Κοντοσόπουλος 1988: 109].

¹⁴ Стоит, правда, высказать следующее соображение: диалект Константинополя в XVII–XVIII вв. превратился в своего рода литературное койне. Поэтому появление форм типа *ἴξεύρεται*, *ἴξεύρο* в других диалектах, вероятно, свидетельствует об авторитете константинопольского диалекта, и эти формы не стоит рассматривать как диалектную особенность.

¹⁵ Появление конечного /-π/ в *εὐρίσκειτον*, скорее всего, связано с тем, что следующее слово начинается с гласного: *εὐρίσκειτον ὄπισω*.

ἔτονε, (Караперци, Халдия) ἤτονε [Οἰκονομίδης 1958: 333], карп. *iton* [Рылик 2013: 68].

11. Лексема *καμπά* ‘поле’ [A086] < ит. *campo* встретила в документе с Лесбоса, бывшем зоной гетуэзского влияния. Как известно, все греческие диалекты, находившиеся в сфере влияния итальянцев, неизбежно вбирали в себя большое количество итальянских лексем. Так произошло, например, в критском [Федченко 2004: 65] и кипрском диалектах [Συμεωνίδης 2006: 145–149], а также в диалекте о–ва Карпатос [Рылик 2013: 71–72].

12. Возможно, диалектизмом является форма *πελι* в словосочетании *πελι πολέμισο* [A276]; ср. с одной из моделей аналитической формы будущего времени: *θέλ-ει πολεμήσ-ω* <хотеть.IPFV-PRS.3SG сражаться.PFV-PRS.1SG> ‘хочу/буду сражаться’ (ср.: [Абдрахманова 2002: 51; Joseph, Pappas 2002; Markopoulos 2005: 182]. Интересно, что в одном из вариантов акритской песни на диалекте приазовских греков, записанной кириллицей Э. В. Хаджиновым в 1970–71 гг., встречается форма *пель* [Кисилиер 2008: 182 и сл.], которая, вероятно, соответствует новогреческому глаголу *θέλ-ει* <хотеть-PRS.3SG>¹⁶. Впрочем, нельзя исключать, что *πελι* — это просто ошибка переписчика¹⁷.

В рассмотренных актах с Афона удалось обнаружить ряд черт, которые, по-видимому, следует считать не диалектными, а просторечными в связи с тем, что они характерны для большинства новогреческих диалектов и лишены четкой географической привязки:

13. Смешение /r/ и /l/: *Γληγγώρης* [A086] vs. н.-греч. *Γρηγγώρης / Γρηγόρης*; ср.: кипр. *Ievóli ver* ‘револьвер, пистолет’ vs. н.-греч. *ρεβόλβερο*; крит. (Аногия) *ἰάδι* ‘масло’ [Vergis, Terkourafi 2013: 507] vs. н.-греч. *λάδι*, карп. *kártses* ‘носки’ [Рылик 2013: 65] vs. н.-греч. *κάλτσες*, дропул. *brúfa* ‘богатые’ [Кисилиер и др. 2016: 129] vs. н.-греч. *πλούσια*, цак. *yrúsa* ‘язык’ vs. н.-греч. *γλώσσα*, н.-греч. *αδελφός / αδερφός* ‘брат’. Нередко это явление связано с метатезой: крит. (Новый Галикарнас) / карп. *faraklós* ‘лысый’ [Κωντοσόπουλος 1988: 153; Рылик 2013: 65] vs. н.-греч. *φαλακρός*.

¹⁶ Можно предположить, что в румейской форме произошло отпадение безударного /-i/ (*réli > *пель-∅*), характерное для диалекта приазовских греков (см. сн. 8).

¹⁷ Остается надеяться, что комплексное исследование афонских актов позволит понять, случайные ли это описки или диалектный материал.

14. Появление аугмента/расширения начального гласного в исторических временах независимо от количества слогов и места ударения:

- ⇒ *ἐ-πωρ-έσ-α* <PST-мочь-PFV-PST.1SG> ‘[я] смог’ [A274] vs. н.-греч. *μλόρεσα*;
- ⇒ *ἐ-βουλ-ήθηκ-α* <PST-хотеть-PRF.PASS-PST.1SG> ‘[я] захотела’ [A253];
- ⇒ *ἡγόρασ-εν* <купить.PFV-PST.3SG> ‘[монах Иоаким] купил’ [A083–084] vs. н.-греч. *αγόρασε*.

В большинстве диалектов появление аугмента не связано с ударениями: понт. *ἐ-βοήθεσ-α* <PST-помогать.PFV-PST.1SG> ‘[я] помог’ [Οἰκονομίδης 1958: 275], карп. *e-lúnn-eton* <PST-мыть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] мылся’ [Рылик 2013: 69], крит. *e-káθ-udone* <PST-сидеть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] сидел’ [Κωντοσόπουλος 1988: 184], ю.-ит. *e-fén-eto* <PST-казаться.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘казалось’, пелоп.-ион. *e-kám-ame* <PST-делать.IPFV-PST.1PL> ‘[мы] делали’, хиос. *e-rétn-umi* <PST-брать.IPFV-IPF.1SG> ‘[я] брал’ [Вяткина 2015: 26], цак. *e-péts-e* <PST-говорить.PFV-AOR.3SG> ‘[он] сказал’.

15. Исчезновение геминат:

- ⇒ *ἄλος* ‘другой’ [A086], *ἄλο* ‘другое (ср. р.)’, *ἀλοῦ* ‘в другом месте’ [A276] < д.-греч. *ἄλλος*;
- ⇒ *γραῖμα* ‘письмо’ [A276] < д.-греч. *γράμμα*;
- ⇒ *τοῦ Τζάνου* [A086], *τοῦ Τζάνο* [A270] < греч. *τοῦ Ἰωάννου*;
- ⇒ *τοῦ Δημητριτζάνου* [A270] < греч. *τοῦ Δημητριωάννου*.

Исчезновение геминат едва ли стоит рассматривать как изоглоссу, так как данное явление характерно для стандартного новогреческого и всех его диалектов, за исключением некоторых диалектов юго-восточной группы (ср.: [Кисилиер 2013: 85]).

Итак, акты с Афона предоставляют исследователю интереснейший языковой материал по фонетике, морфологии и даже лексике, частично отражающий известные диалектные явления (например, падение безударного /i/ или появление геминат), а частью дающий возможность установить новые изоглоссы (окончания имперфекта, формы глагола ‘быть’). Не вызывает сомнений, что подробное изучение афонского материала позволит создать,

более или менее, адекватный атлас греческих диалектов XVI–XVIII вв.¹⁸ Одной из основных трудностей этой работы станет прочтение документов. Представляется, что наиболее реальный путь преодоления указанной трудности — сотрудничество диалектологов с историками-специалистами по афонским актам, имеющими большой опыт по их чтению. Хочется надеяться, что этот интереснейший материал, наконец, войдет в историческую грамматику новогреческого языка и в новогреческую диалектологию.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; атт. — аттический; вост.-крит. — восточнокритский; греч. — греческий; д.-греч. — древнегреческий; д.-кипр. — древнекипрский; дропул. — дропульский; ед. ч. — единственное число; зап.-крит. — западнокритский; ит. — итальянский; карп. — карпатосский; кипр. — кипрский; крит. — критский; л. — лицо; ман. — маниотский; н.-греч. — новогреческий; пелоп.-ион. — пелопоннесско-ионийский; понт. — понтийский; румейск. — румейский; сев.-гр. — северногреческий; скир. — скиросский; ср. р. — средний род; хиос. — хиосский; цак. — цаконский; ю.-ит. — южноиталийский; AOR — аорист; *Chr. Mor.* — «Морейская хроника»; CVB — конверб/деепричастие; DAT — датив; DEF — определенная форма/показатель определенности; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; M — мужской род; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

¹⁸ Можно упомянуть две удачные попытки привлечения рукописных источников для изучения новогреческой диалектологии — работы Панайотиса Паппаса [Pappas 2004], который на материале рукописей из Вазелонского монастыря показывает, что в средневековом понтийском союз *ἴνα* и частица *να* вызывали препозицию местоименного дополнения, и Петроса Карацареаса [Karatsareas 2011], предпринявшего весьма успешное историческое описание каппадокийского диалекта. Однако именно архивы монастырей Афона позволят описать диалектную ситуацию в Греции прошлых веков в целом, а не просто изучить историю развития локальных языковых вариантов.

Литература

- Абдрахманова 2002 — Д. Р. Абдрахманова. Оформление грамматики будущего времени в новогреческом языке и его диалектах. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2002.
- Вяткина 2015 — А. О. Вяткина. Релевантные и иррелевантные признаки (к проблеме изоглос в новогреческой диалектологии). Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2015.
- Елоева 2004 — Ф. А. Елоева. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Кисилиер 2008 — М. Л. Кисилиер. «Песня о Яннисе и змее» у греков Приазовья // Научные чтения — 2006. Материалы конференции. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (Т. 7). СПб., 2008. С. 180–188.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Румейский язык и новогреческие диалекты // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI, 2012. С. 355–368.
- Кисилиер 2013 — М. Л. Кисилиер. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 83–98.
- Кисилиер и др. 2016 — М. Л. Кисилиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев. Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 г. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 111–134.
- Рылик 2013 — П. А. Рылик. Новогреческие говоры о-ва Карпатос на материале народных песен и спонтанной речи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. МГУ, М., 2013.
- Федченко 2004 — В. В. Федченко. Стихотворения Стефана Сахликиса. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2004.
- Федченко 2016 — В. В. Федченко. Свидетельства о греческом языке Константинополя // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 215–245.
- Buck 1955 — C. D. Buck. The Greek Dialects. Chicago: Chicago University Press, 1955.
- Horrocks 1997 — G. C. Horrocks. Greek. A History of the Language and its Speakers. London — NY: Longman, 1997.
- Joseph, Pappas 2002 — B. D. Joseph, P. A. Pappas. On some recent views concerning the development of the Greek future system // Byzantine and Modern Greek Studies 26, 2002. P. 247–273.
- Karatsareas 2011 — P. Karatsareas. A Study of Cappadocian Greek Nominal Morphology from a Diachronic and Dialectological Perspective. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Wolfson College, Cambridge, 2011.

- Manolessou 2010 — I. Manolessou. Modern Greek dialectology and the grammar of Medieval Greek // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). Proceedings. 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT4), Chios, 11–14 June 2009. Patras: University of Patras, 2010. P. 24–30.
- Markopoulos 2005 — T. Markopoulos. The Category ‘Future’ in Greek: A Diachronic Investigation of Three Future-Referring Periphrastic Forms. Dissertation. Trinity College, Cambridge, 2005.
- Newton 1972 — B. Newton. The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Pappas 2004 — P. Pappas. Medieval Greek object pronouns and analogical change: a response to Condoravdi and Kiparsky (2001) // Journal of Greek Linguistic 5, 2004. P. 127–157.
- Petit, Korablev 1912 — Actes de l’Athos. No. V. Actes de Chilandar, publiés par le R. P. Louis Petit et B. Korablev // Византійскій Временникъ XIX, 1 [Приложение], 1912. С. 369–651.
- Petit, Regel 1906 — Actes de l’Athos. No. III. Actes d’Esphigménou, publiés par le R. P. Luis Petit et W. Regel // Византійскій Временникъ XII, 1 [Приложение], 1906.
- Ralli 2006 — A. Ralli. Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art // Journal of Greek Linguistics 7, 2006. P. 121–159.
- Regel et al. 1907 — Actes de l’Athos. No. IV. Actes de Zographou, publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev // Византійскій Временникъ XIII, 1 [Приложение], 1907.
- Regel et al. 1913 — Actes de l’Athos. No. VI. Actes de Philothée, publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev // Византійскій Временникъ XX, 1 [Приложение], 1913.
- Trudgill 2003 — P. Trudgill. Modern Greek dialects. A preliminary classification // Journal of Greek Linguistics 4, 2003. P. 45–64.
- Vergis, Terkourafi 2013 — N. Vergis, M. Terkourafi. Rhoticization and gender stereotyping in a rural community in Crete // M. Janse, B. Joseph, A. Ralli, M. Bagriacik (eds.). Proceedings. 5th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT5), Ghent, Belgium. September 20–22, 2012. Patras: University of Patras, 2013. P. 499–523.
- Κοντοσόπουλος 1988 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 1988.
- Κοντοσόπουλος 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Οι Νεοελληνικές διάλεκτοι // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιστ. επιμ.). Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τράπεζας, 2010. Σ. 188–190.

- Οικονομίδης 1958 — Δ. Ή. Οικονομίδης. Γραμματική τῆς Ἑλληνικῆς διαλέκτου τοῦ Πόντου. Ἐν Ἀθήναι: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν, 1958.
- Παναγιώτου 2001 — Α. Παναγιώτου. Ἀρκαδοκυπριακή // Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἀπὸ τῆς αρχῆς ἕως τὴν ὑστερὴ ἀρχαιότητα. Θεσσαλονίκη: Ἰνστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν — Ἰδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001. Σ. 308–314.
- Συμεωνίδης 2006 — Χ. Π. Συμεωνίδης. Ἱστορία τῆς Κυπριακῆς διαλέκτου. Λευκωσία: Κέντρο Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου, 2006.
- Χριστίδης (επιστ. επιμ.) 2001 — Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἀπὸ τῆς αρχῆς ἕως σῆμερα. Θεσσαλονίκη: Ἰνστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν — Ἰδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001.

Источники

- A083–084 — завещание с итальянской записью и комментарием; датируется 1709 г.
- A086 — акт дарения участка в Митилине; датируется 1727 г.
- A252 — акт дарения участка в Мегали Вигла (Македония), отец дарительницы родом с Хиоса; датируется 1665 г.
- A253 — акт о приобретении участка рядом с церковью Георгия Критского; датируется 1668 г.
- A270 — акт, посвященный участку в Алонице рядом с Димитрицей; акт связан с монастырем Мегали Вигла (Македония) и датируется 1690 г.
- A274 — вероятно, начало документа A276.
- A276 — пространный рассказ о приключениях на Санторине, где находился дом рассказчика; датируется 1688 г.